

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 29
(2243)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья А. Фурсова «Великая Капиталистическая Стена», опубликованная на сайте «Завтра», 5 марта 2023 года.

URL: https://zavtra.ru/blogs/velikaya_kapitalisticheskaya_stena

Вологда
март 2023

Великая Капиталистическая Стена

Именно эту стену сейчас разбивают глобалисты

Быт, мода, культура повседневности – мощнейшие орудия капитализма, сильнее пушек. В любом обществе средний класс и часть рабочего класса, т.е. те сегменты общества, для которых повседневное существование не сводится к борьбе за обеспечение физического выживания, стремятся жить лучше, имитируя в быту тех, кто выше их на социальной лестнице. Эта возможность имитировать роскошь верхов в повседневной жизни, возможность «роскошизации» повседневности, обуржуазивание быта небуржуазных групп без их буржуазификации – это и есть «пряник», «морковка» капитализма.

В «докапиталистических» обществах возможности такой имитации ограничены как материально, так и социально (кастами, рангами и т.д.). Повседневность в таких случаях неавтономна и неиндивидуальна, она представляет собой более или менее жестко фиксированную функцию предписанно-групповой принадлежности, является ранжированно-групповой. Социальная единица такой повседневности, как правило, группа. Повседневность Капиталистической Эпохи носит индивидуальный (или индивидуализированно-массовый) характер. А потому не имеет тех «теоретических» преград на пути стремления к роскоши, которые характерны для «докапиталистической» Повседневности.

Различие между двумя уровнями бытия – повседневностью и роскошью – сохраняется и при капитализме. Продолжают существовать замки и бриллианты, парфюмерия и одежда от Сен-Лорана, дорогие автомобили и яхты и многое другое. Но возникает и иная, сниженная – повседневная – форма роскоши для среднего класса. Это явление – результат того, что в течение 200 лет западная повседневность стремилась подтянуться к роскоши, развиваться по ее законам, стремилась выйти за собственные рамки, т.е. за рамки минимума бытовых удобств и потребностей.

Например, для среднего (и очень экономного) француза такой «роскошью повседневности» становится обед в ресторане за 70–90 франков. Дома это стоило бы в 3–4 раза дешевле, но здесь это в «официальной чистоте», где его обслуживает официант (и так, что можно почувствовать себя господином, а не бедным посетителем перед лицом очередного хама из obsługi), где еда не только вкусна, но и красиво подана. Роскошь повседневности как буржуазный быт – это магазины и улицы, где пахнет духами и вкусной едой (а не потом, тухлыми овощами и перегаром от фиолетовощекой продавщицы).

«Повседневная роскошь» – это цветы на подоконниках, чистый подъезд с ковром и вежливая речь. Западная повседневность стремилась походить на роскошь, имитировать ее, пусть в ограниченной и миниатюрной форме. Короче, роскошь как повседневность – это когда достоинство, по крайней мере внешнее, жизни, будь то внешняя воспитанность или внешний вид, становится нормой и ценностью поведения. Это когда повседневная жизнь обретает собственное и самостоятельное чувство достоинства, когда человек, как это ни покажется смешным на первый взгляд, начинает уважать себя в качестве бытового существа – едока, носителя одежды, хорошо пахнущего существа и т.д.

Кто-то скажет: ага, а как же насчет уважения личности, индивидуальности. Ведь главное – внутренняя жизнь, духовность, внешнее не имеет значения: это мешанство, шмотки. Такое противопоставление ошибочно и появилось как результат самооправдания определенной безбытности, социально наиболее уродливой части русской интеллигенции и ее богемных аналогов на Западе. На самом деле одно не противоречит другому («Быть можно дельным человеком, и думать о красе ногтей», – это написал Пушкин), хотя в реальной жизни далеко не всегда совпадает. Я говорю здесь исключительно о повседневности буржуазного быта, вынося за скобки интеллектуальные и нравственные искания.

Собственности на всех хватить не может. Зато быта хватает на большее число людей. Капиталистическое время, таким образом, растягивается. Оно материализуется двояко: в виде собственности и в виде «роскошеподобной» повседневности, которая представляет собой первую линию обороны капитализма, его Великую Стену.

Структуры повседневности буржуазного быта – мощнейший социальный регулятор, причем по линии субстанции. Именно они придают дополнительную устойчивость Капиталистической Системе всякий раз, когда возникают проблемы с субстанцией или связанными с ней формами организации (производство, собственность, гражданское общество). Именно образ жизни, структуры повседневности стали последним доводом в выборе рабочих и средних классов Запада против коммунизма в XX в. По крайней мере, так считает (и я с ним согласен) «вечный диссидент» Рудольф Баро. Он прямо говорит о том, что даже рабочие и низы среднего класса Запада опасались, что коммунизм разрушит привычный для них образ жизни, их повседневность, в которой есть хотя бы блески роскоши. Эти блески – доля, пай этих социальных групп в богатстве и роскоши Капиталистической Системы. Их ваучер, но настоящий, реальный, а не сконструированный по-чубайсовски.

То, что повседневность значительной массы населения тяготела к роскоши, нарастило на Западе, точнее на его повседневности, над ней, толстый слой роскоши, т.е. чего-то на первый взгляд лишнего, ненужного, избыточного. Но это только на первый взгляд. В случае социальных потрясений избыточная субстанция становится и дополнительным креплением, еще одним социальным амортизатором, тем социальным жирком, который можно проедать в трудные времена.

Именно эту стену сейчас разбивают глобалисты. Лишение собственности и жизнь на базовый доход («бедно, но более счастливо, чем прежде»), которое провозглашает Шваб, предполагает несколько вещей. В первую очередь существенное снижение уровня жизни: меньший объем и сниженное качество потребляемого продовольствия. Обосновывается это борьбой за экологию. Планируют также резко ограничить возможность людей перемещаться: туризм станет роскошью, доступной только богатым. Кроме того, жизнь будет проходить «под колпаком» – ежечасным социально-информационным контролем.

Несколько лет назад Фонд Рокфеллеров опубликовал такой постер. Человек стоит на фоне красивого озера типа швейцарского и говорит: «У меня ничего нет, у меня нет собственности, я счастлив». Вот это и есть создание нового, они должны создать слой людей, которые будут полным объектом для эксплуатации в рамках возникающей системы.

Андрей Фурсов